

Долгожданная амнистия

И вот он — час икс. Я прошла череду тестов: на память, на внимание, на адекватность. Отвечала на вопросы о столицах и президентах, чувствуя себя школьницей. А затем меня проводили в кабинет, где за столом уже сидела комиссия: мой вечно сонный врач, неизвестная мне женщина-специалист и — она, заведующая.

Я давала себе слово сохранять спокойствие, но нервы пели тонкой струной. Всё это было похоже на судилище, на странный и архаичный ритуал оправдания. Меня усадили на старый скрипучий стул, который, казалось, вот-вот развалится подо мной.

Заведующая не спеша листала мою историю болезни. Шуршание бумаги было оглушительно громким в тишине кабинета.

— Так... — наконец подняла она на меня глаза. — А назначенную терапию вы получаете?

— Нет, уже давно не принимаю, — прозвучал мой чёткий, почти вызывающий ответ.

Тогда её взгляд, холодный и тяжёлый, переместился на молодого врача.

— А почему пациентка не получает лечение? — Её голос оставался ровным, но в нём явственно слышалась сталь. — Вы не разъяснили важность терапии?

Врач заёрзал на стуле, его пальцы беспомощно теребили ручку.

— Ну... вы понимаете... — Он начал мямлить что-то невнятное о компромиссе и сознательности пациентов.

Я смотрела на него и вдруг с острой ясностью осознала всю унижительность этого спектакля. Ему было неловко, он корчился от стыда, а она, казалось, получала от этого какое-то извращённое удовольствие, утверждая свою власть. Мне стало жаль его, этого безвольного соучастника системы. И вместе с жалостью накатила волна такого протеста, что дрожь внезапно унялась сама собой. Я сидела прямо, глядя в лицо своей судье, ещё больше чувствуя себя подсудимой.

Потом взоры всех троих, словно прожекторы, уставились на меня. Фокус сместился, и я стала главной мишенью этого допроса.

— Так почему вы отказываетесь от медикаментозной поддержки? — Голос заведующей прозвучал как удар бича. — Объясните нам свою позицию.

Я внутренне сжалась, вспомнив свой зарок — не болтать лишнего, быть сдержанной и покорной. Но под этим колючим взглядом язык будто жил своей жизнью.

— Я... я занимаюсь кундалини-йогой. Это даёт мне внутреннее равновесие, помогает держаться.

Повисла гробовая тишина, которую затем взорвал возглас заведующей:

— Что?! Кундалини?! Йога?! Да разве вам с вашим диагнозом можно этим заниматься?! Это же прямая дорога к обострению!